

Л.И. ШЕСТОВ И В.И. ИВАНОВ: ВЕЛИКОЛЕПИЕ УПАДКА

С.Г. Сычева

Томский политехнический университет

E-mail: svetsych@mail.ru

Исследованы полемические идеи Л.И. Шестова, направленные против творчества В.И. Иванова. Проанализированы основные аргументы философа, в частности, обвинение поэта в декадентстве. Показано, что и сам Л.И. Шестов был в своем раннем творчестве декадент sui generis, и что его обвинения В.И. Иванова в декадентстве не имеют достаточных оснований.

Ключевые слова:

Разум, мораль, познание, декадентство.

Key words:

Reason, morals, knowledge, decadence.

Первая треть XX в. в России была богата на творческие идеи, высказываемые, без преувеличения, великими личностями. То был расцвет модерна, когда символисты, акмеисты, футуристы соперничали между собой и возводили прекрасные интеллектуальные построения, прославляющие русскую литературу, живопись, философию. Особенно значителен полемический аспект их взаимоотношений. Данная статья посвящена критическому тексту Л.И. Шестова, направленному против В.И. Иванова: «Вячеслав Великолепный. К характеристике русского упадочничества». Изыскания русского философа могут пролить свет на некоторые проблемы российской культуры, с которыми мы сталкиваемся в наше время.

Творчество В.И. Иванова в России изучают много и подробно [1–3]. Мы написали несколько статей о В.И. Иванове [4–6]. Проводятся симпозиумы, конгрессы, посвященные его творчеству. Есть и исследования философии Л.И. Шестова [7–9]. Однако нет работ, посвященных взаимному влиянию двух мыслителей. Данная статья имеет целью восполнить этот пробел.

В книге «Власть ключей» [10], написанной в 1923 г. и состоящей из трех частей, есть глава, посвященная Вячеславу Ивановичу Иванову. Она называется «Вячеслав Великолепный» и представляет собой критическое осмысление книги В.И. Иванова «Борозды и межи» (1916), в которой он пишет, в том числе, о Л.Н. Толстом. Статья Л.И. Шестова имеет подзаголовок «К характеристике русского упадочничества»; текст ее полемичен по духу и пристрастен.

Философ показывает, что идеи поэта резко порывают с традициями русской литературной критики (с В.Г. Белинским, Н.А. Добролюбовым, Н.Г. Чернышевским, Д.И. Писаревым). Вместе с тем, В.И. Иванов полагает, по мнению Л.И. Шестова, что корни его мировоззрения глубоко уходят в русскую духовную культуру [10. С. 243–244].

Казалось бы, Л.И. Шестова раздражает решительно все: и то, что В.И. Иванову важны не мысли, а действия, и его письменный язык, в котором обилие иностранных слов в теоретических статьях

дополняется обширным использованием древнерусских символов в поэзии, и апокалипсической настрой его мысли.

Целью своей главы Л.И. Шестов объявляет следующее: читатели «конечно ждут от меня, чтобы я сделал малопонятного и малодоступного В. Иванова ясным и прозрачным» [10. С. 246]. И Л.И. Шестову это удается. Он вменяет В.И. Иванову то, что в древности не мог принять Аристотель у своего великого учителя: В.И. Иванов отрывает идеи от вещей, образы от мира. Он прерывает живительную связь между корнями и кроной, и наступает увядание, как то бывает осенью в багряном и золотом лесу, воспетом А.С. Пушкиным. А это и есть декаданс.

В центре критики Л.И. Шестова оказалась статья В.И. Иванова «Лев Толстой и культура». Это – одна из двух статей поэта, посвященных творчеству писателя. Сразу скажем, что В.И. Иванов не разделяет взгляды Л.Н. Толстого на сущность культуры. Почему?

Ответ напрашивается сам собой (и Л.И. Шестов это замечает): В.И. Иванов – последователь Ф.М. Достоевского, гения трагедии. Это вполне созвучно творчеству В.И. Иванова, досконально изучившего дионисийский культ и, впоследствии, защитившего докторскую диссертацию «Дионис и прадионисийство» [12]. Поэтому вполне естественно, что В.И. Иванов не является сторонником догматического морализма, из которого исходил Сократ и к которому пришел Л.Н. Толстой.

Тем не менее, В.И. Иванов оценил, если не творчество, то жизнь, вернее, ее завершение, как «всемирное событие», как трагедию, которой Л.Н. Толстой пытался утвердить единое имя «добра», оно же было для него именем Бога» [11. Т. IV. С. 592]. Подвиг его в том, что он исповедовал свое учение всей своей жизнью.

В.И. Иванов не разделяет мифологему непротвращения и недеяния, близкую буддизму, в котором, как известно, отсутствует Бог как личность. Л.Н. Толстой всем соблазнам жизни говорит «нет»: «не пей, не кури, отвергни чувственность, не клянись, не воюй, не противься злему» [11. Т. IV. С. 593]. На эту же ци-

тату обращает внимание Л.И. Шестов, заявляя, что В.И. Иванов стремится всех «передавать».

Задача Л.Н. Толстого, согласно В.И. Иванову, разоблачить и обличить. Но художник должен заниматься другим – показывать сущность мира в прекрасных явлениях, ноуменальное в феноменальном. У Л.Н. Толстого творчество подчинило эстетическое – этическому, и в этом – его трагедия. В.И. Иванов пишет: «Неужели Толстой, в самом деле, думал, что нужно только взять, как следует, в толк, что такое добро, чтобы стать... нравственно-последовательную в поступках личностью?.. Но также думал и Сократ, а он был, по слову Пифии, "мудрейшим из людей"» [11. Т. VI. С. 599]. С Пифией В.И. Иванов не согласен.

В.И. Иванов выделяет три типа нравственно-духовной жизни: релятивизм, аскетизм и символизм. Очевидно, что первый тип отношения к жизни Божественного не приемлет и к нему не стремится. Аскетический образ жизни проповедовал Л.Н. Толстой. Он пытался подчинить догмату долга творческие порывы души, все естественное, все произвольное. Главное, чтобы торжествовали «польза» и нравственность. Третий тип – символический – это, согласно поэту, единственно правильный путь. Он ведет к эстетическому освобождению Мировой Души от «искажений и лжи», от всего наносного, безобразного [11. Т. IV. С. 601]. Это – теургическое творчество. Оно приводит к созданию «Церкви мистической», а вся культура выступает как «икона софийного мира извечных прообразов» [11. Т. IV. С. 602].

В отличие от Сократа, Л.Н. Толстой не был теургом. Сократ же сотворил Платона – одного из первых символистов в истории европейской культуры. Платон изменил Сократа: «В Платоне Сократ предался музыке» [11. Т. IV. С. 602].

Собственно, вокруг этих идей разворачивается критика Л.И. Шестовым В.И. Иванова.

Первое обвинение: В.И. Иванов сложен. При чем сложность эта, по словам В.И. Иванова, исходит из стилистики Ф.М. Достоевского, которого поэт называет «великим зачинателем... нашей культурной сложности» [10. С. 249]. На это мы можем возразить, что сложность – не всегда «плохо», да и простота бывает разной: простота без пестроты, например. Да, думается, такая простота желанна. И она, действительно, не частый гость в текстах В.И. Иванова. Однако есть «простота хуже воровства». И ее нет в текстах В.И. Иванова. И это – хорошо.

Цветущая, разнообразная, возвышающая сложность должна пребывать в единстве, как комментирует В.И. Иванова Л.И. Шестов. И в этом философ видит причастие поэта к предшествующей русской литературной критике. Согласно Л.И. Шестову, и здесь он прав, для В.И. Иванова главное дело поэта – теургия, создание «Града Божьего». Поэзия должна стать теургией – повторяет В.И. Иванов не раз. Обычный мир – для обычных людей. Поэт создает собственную реальность, не связанную

с обыденной действительностью. Это раздражает Л.И. Шестова.

Философ прав в том, что у В.И. Иванова часто встречается модальность долженствования: ты можешь, ибо ты должен. Он показывает это на примере статьи В.И. Иванова «Поэт и чернь», где тот полемизирует с А.С. Пушкиным, утверждая, что поэт не должен удаляться от черни, он должен сблизиться с ней: «Истинный символизм должен примирить Поэта и Чернь в большом, всенародном искусстве» [11. Т. I. С. 714]. По этому поводу Л.И. Шестов раздражается тирадой, смысл которой – в том, что каждый поэт, особенно великий, не хуже В.И. Иванова знает, что он должен. И далее: «Вяч. Иванов утверждает, что он знает должное и знает будущее: поэт должен служить Черни, поэт будет служить Черни. А мы ответим: поэт не хочет служить Черни, поэт не будет служить Черни, его песнь свободна как ветер и бесплотна, как ветер; поэт ни у кого никогда никаких разрешений не спрашивал и спрашивать не станет...» [10. С. 254].

Действительно, у В.И. Иванова этика долга иногда проглядывает четко и однозначно, как, например, в статье «Вагнер и дионисово действие», в которой речь идет о том, что дионисийские дифирамбы должны обрести свою реальность в жизни современной ему России в виде «оркестр». Известны негативные отклики выдающихся современников на эту идею В.И. Иванова.

Но со следующим рассуждением Л.И. Шестова согласиться нельзя. Философ утверждает, что В.И. Иванов выше всего ценит Аполлона, покоряется Сократу, боится первозданного хаоса и не желает, чтобы он разорвал тысячелетние культурные цепи. Все эти суждения противоречат тем, что мы находим в поэзии и прозе В.И. Иванова. Но с чем уж вовсе согласиться нельзя – это с тем, что Л.И. Шестов именно данную позицию называет декадентством. Хотя всем известно, что декадентство – это первозданный хаос, опьяняющая песнь Диониса, трагедия, наконец. В этом смысле можно говорить о декадансе В.И. Иванова. Но в 1930 г. он написал статью «Символизм» для Итальянской энциклопедии, где показал разницу между символизмом и декадентством – между реалистическим творчеством и идеалистической поэзией – между русской и французской школой. Правда, это было в 1930 г. А пока мы вынуждены защищать В.И. Иванова.

Этика долга, присутствующая в теории В.И. Иванова, весьма раздражала Л.И. Шестова. Послушав его доклад о А.Н. Скрябине, он был возмущен тем, что музыка должна выполнять философские задачи, что распространялось и на музыку А.Н. Скрябина. У Л.И. Шестова возникло желание «наложить вето» на суждения В.И. Иванова. Здесь надо указать, что несколькими страницами ранее он писал о своем желании подать «свой голос за изгнание В.И. Иванова из пределов отечества... Я ничего не имею против него, но мне надоело по-

стоянно слышать, что В. Иванов умен, что В. Иванов блестящ» [10. С. 255]. Тем не менее, в конце главы он пишет о восхищении перед В.И. Ивановым, называя его Вячеславом Великолепным. Во всем этом, на наш взгляд, проглядывает искренняя личная безответственность, ведущая к «апофеозу беспочвенности».

Л.И. Шестов продолжает, что не музыка должна служить философии, а философия может искать свое основание в музыке. Философия должна быть музыкальной, в ней должна звучать музыка, как то было у Платона, Плотина, А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. И тут же ироничное признание: «Самого В. Иванова я люблю потому, что он не говорит, а поет» [10. С. 270].

Известно, что В.И. Иванов считал символизм переходом от реального мира к реальнейшему — от чувственного к идеальному. Это идеальное и есть высшая реальность. Символист, подобно философу Платона, выходит за рамки окружающего мира, душой воспаряет к небесам и созерцает вечные идеи. Затем он должен вернуться к людям и поведать, что его душа видела на небесах. Модальность долженствования взята В.И. Ивановым у Сократа (см. диалог Платона «Государство»). Поэтому можно согласиться с Л.И. Шестовым в том, что «временному и эмпирическому» В.И. Иванов предпочитает «вечное и потустороннее». Но на этом согласие заканчивается. Л.И. Шестов пишет, что о последнем В.И. Иванов знает мало, поэтому вводит в этот мир «временное и эмпирическое», выдавая его за Бога.

Кто внушил Л.И. Шестову, что В.И. Иванов мало знает, тем более, о «вечном и потустороннем»? Чуть выше Л.И. Шестов писал, что В.И. Иванов знает все. Думается, что все теоретические рассуждения и даже поэзия В.И. Иванова проникнуты знанием именно о вечном и запредельном. Поэзия и проза его религиозны. В нравственности он мог быть имморалистом, в искусстве — релятивистом, в философии — «идеалистом». Но в религии он всегда был теургом и не выдумывал новых богов. О Боге В.И. Иванов имел исчерпывающее знание и непоколебимую веру. По-видимому, это обстоятельство позволило ему прожить трудную, но долгую и светлую жизнь.

Но Л.И. Шестов на этом не останавливается: он рассматривает понятие соборности, которое использует В.И. Иванов [10. С. 274]. По сути, полагает Л.И. Шестов, это «устроение с Богом», обычная метафора. Л.И. Шестова раздражают противопоставления, которые использует В.И. Иванов: «соборность — индивидуализм», «аз есмь — ты еси». Многие глубокие прозрения В.И. Иванова, на самом деле, фикция, — полагает философ. Он пишет, что противопоставлять любовь к себе — любви к Богу (вслед за Августиним) — неразумно. Также нет противоречия между Градом Земным и Градом Небесным. Что же касается соборности, то еще Плотин писал, что бесстрашие перед смертью знает тот, «кто любит оставаться один» [10. С. 275].

Подводя итог, Л.И. Шестов замечает, что вступил в полемику с В.И. Ивановым лишь потому, что его раздражает самоуверенность поэта, его убеждение в том, что он раскрывает исключительную истину. Но это не так. Вся искусность В.И. Иванова видится Л.И. Шестову в том, что он умеет подрезать корни деревьев так, чтобы крона увяла, пришла в упадок. А это и есть декаданс.

Получается, что если бы В.И. Иванов не претендовал на величие и окончательную истину, если бы у него не было идеи долженствования, если бы он не ставил Ф. Шиллера выше А.С. Пушкина, если бы не настаивал на своей правоте, то он бы никого не раздражал, все бы его любили, никто бы с ним не спорил, и потомки с благодарностью вспоминали бы о нем как о «Вячеславе Великолепном».

Слишком много «если бы»... Жизнь в гармонии, согласии, покое — как это мило и как это... скучно. Первая треть XX в. в России была богата своим полемическим задором, постоянными спорами и конфликтами лучших представителей российской словесности. Не было бы притязаний на истину — не было бы споров, не было бы открытия истины. «Серебряный кокон», который сплели высокие представители философии, литературы, живописи и музыки, был наилучшей средой для развития идей. Но он скрыл от них надвигающиеся ужасы, войны, крах государства, изгнание. Поэтому, когда бабочка вылетела из кокона, она оказалась нежизнеспособна в новых условиях. И улетела... А если бы не улетела?

Хотелось бы отдельно остановиться на понятии декаданса, используемом Л.И. Шестовым в целях определения позиции В.И. Иванова. Выше мы говорили, что сам поэт это отвергал, и у него были на то основания. Сейчас нам хотелось бы обратить внимание читателя на то, что этот термин вполне применим к книгам самого Л.И. Шестова, по крайней мере, раннего периода. Мы имеем в виду его произведение «Апофеоз беспочвенности» (1905 г.).

Он пишет, что самым пригодным в его время является афористический стиль создания книги, а не логически последовательный, ибо во втором случае приносится в жертву «свободная мысль» [13. С. 4]. Действительно, в данной книге нет логики, идейной структуры, но лишь незаконченные и противоречивые мысли. Это положение дел задает само название книги. Философ в качестве иллюстрации использует метафору «дома без крыши» [13. С. 5]. В таком доме невозможно жить. Поэтому иррациональные рассуждения, думают некоторые, незавершенные и недоказанные, должны быть отброшены. В настоящее время, полагает Л.И. Шестов, люди осознали бессилие разума, перед величием которого ранее преклонялись. И свободная манера рассуждения ближе современному читателю, чем великие философские конструкты, построенные «могущественными феодалами духа» [13. С. 6]. И далее он пишет: «Дом без крыши, точно, никуда не годится... Но незаконченные, беспоч-

рядочные, хаотические... противоречивые, как сама жизнь, размышления – разве они не ближе нашей душе, нежели системы, хотя бы и великие системы...?» [13. С. 6].

Л.И. Шестов восстает против догматики науки и морали, происходящих из одного корня: закона, нормы. Потому что в настоящее время они не отвечают запросам ищущей души. Нужны новые стили, новые формы, новые цели.

Когда читаешь «Апофеоз беспочвенности», первым делом бросается в глаза близость текста книгам Ф. Ницше и... С. Киркегора. С Ф. Ницше более-менее понятно – Л.И. Шестов прочитал его в ранней молодости. Но с творчеством С. Киркегора философ познакомился зимой 1928–1929 гг., то есть гораздо позднее, чем написал рассматриваемую нами книгу. По этому поводу он пишет: «Читаю понемногу из Киркегарда: действительно, нахожу общее... Иногда кажется, что он читал «Ап. бесп.» или я читал его книги» [14. Т. II. С. 26].

Такое впечатление, действительно, возникает. Но, как представляется, «Апофеоз беспочвенности» был для Л.И. Шестова игрой, душевным экспериментом, «наслаждением», но не «долгом». В этом смысле обвинения Л.И. Шестова в декадентстве, предъявленные им В.И. Иванову касательно книги «Борозды и межи», вышедшей в 1916 г., с полным правом могут быть предъявлены самому Л.И. Шестову относительно книги «Апофеоз беспочвенности», написанной еще в 1905 г.

О внешнем сходстве текстов Л.И. Шестова и С. Киркегора мы сказали. Но есть существенное

внутреннее различие (по крайней мере, в книгах, написанных до «знакомства» с С. Киркегором): идеи С. Киркегора выстраданы, они повергли его в тяжелую болезнь, болезнь духа и тела, когда всякое столкновение с внешним миром мучительно и даже смертельно. То же можно сказать о Ф. Ницше. С. Киркегор принес себя в жертву человечеству, он «расчистил место, чтобы Бог на него сошел» (слова С. Киркегора) [Цит. по: 15. С. 89]. Для книги «Апофеоз беспочвенности» страдания нехарактерны. Это, скорее, духовно-душевное развлечение, интеллектуальное приключение, игра. И, поскольку данная книга стремится поколебать почву под основами разума, ее вполне можно отнести к декадентскому жанру в литературе.

Сделаем некоторые выводы. Во-первых, В.И. Иванов признается Л.И. Шестовым как глубокий знаток культурного наследия, корнесловия, философских и нравственных доктрин. Но, по мнению Льва Исааковича, это и мешает творчеству Вячеслава Ивановича, ибо, с одной стороны, делает его мышление догматичным, скованным цепями разума, а с другой, напротив, придает его текстам декадентскую одержимость. Эти две стороны творчества В.И. Иванова неприемлемы для Л.И. Шестова. Но, во-вторых, есть и другие моменты, отторгающие Л.И. Шестова от В.И. Иванова: это отсутствие сомнения в своей правоте и этика должностования. Против этой последней, как и против классических философских систем, Л.И. Шестов выступил рано – в 1905 г. «Апофеоз беспочвенности», интеллектуальная забава, превращает его в декадента *sui generis*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1. – СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. – 840 с.
2. Вячеслав Иванов – творчество и судьба. К 135-летию со дня рождения. – М.: Наука, 2002. – 349 с.
3. Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. – М.: Русские словари, 1999. – 488 с.
4. Сычева С.Г. Г.Г. Шпет и В.И. Иванов: к вопросу о синтезе искусств // Творческое наследие Г.Г. Шпета в контексте современного гуманитарного знания: Г.Г. Шпет / *Comprehensio*. Пятые Шпетовские чтения: Сб. статей и материалов Междунар. научной конф. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – С. 250–255.
5. Сычева С.Г. Полемика В. Иванова и В. Брюсова по проблемам искусства // Традиционные российские духовные ценности в общественной жизни и государственной политике: Матер. XVII Духовно-исторических чтений в честь Святых Равноапостольных Кирилла и Мефодия. – Томск: Типография администрации Томской области, 2007. – С. 42–46.
6. Сычева С.Г. Религиозная символика в текстах Ф. Ницше и В. Иванова: опыт сопоставления // Дефиниции культуры: Сб. трудов участников Всеросс. семинара молодых ученых. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – С. 324–331.
7. Ахутин А. В. Одинокий мыслитель // Шестов Л.И. Соч.: В 2 т. – М.: Наука, 1993. – Т. 1. – С. 3–14.
8. Бердяев Н.А. Трагедия и обыденность // Шестов Л.И. Соч.: В 2 т. – Томск: Водолей, 1996. – Т. 1. – С. 465–491.
9. Штейнберг А.З. Лев Шестов // Шестов Л.И. Соч.: В 2 т. – Томск: Водолей, 1996. – Т. 1. – С. 492–510.
10. Шестов Л.И. *Potestas clavium*. Власть ключей // Шестов Л.И. Соч.: В 2 т. – М.: Наука, 1993. – Т. 1. – С. 17–312.
11. Иванов В.И. Соч.: В 6 т. – Т. 1–4. – Брюссель: Foyer oriental Chretien, 1971–1979.
12. Иванов В.И. Дионис и прадионисийство. – Баку: 2 Государственная типография, 1923. – 304 с.
13. Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности // Шестов Л.И. Соч.: В 2 т. – Томск: Водолей, 1996. – Т. 2. – С. 4–187.
14. Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова по переписке и воспоминаниям современников. – В 2 т. – Париж: La presse libre, 1983. – Т. 1–2.
15. Бибихин В.В. Киркегор и Гоголь // Мир Киркегора. – М.: Ad Marginem, 1994. – С. 82–90.

Поступила 01.11.2010 г.